

СМЫСЛОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЕТЕ

Гете отказывали в собственной философии, опираясь на характерный для классической философии отрыв онтологии от гносеологии. Философия XX века полностью преодолела названный отрыв, в том числе и с помощью таких понятий, как смысловая реальность. Смысловая реальность – понятие не гносеологическое, а аксиологическое и онтологическое. Смысловая реальность Гете – это выработанный им самим ценностный мир, который находится в духовном отношении к миру и укоренен в культуре.

Германию эпохи Просвещения более всего характеризует политическая раздробленность и экономическая отсталость по сравнению с соседними странами – Англией и Францией. Однако прямую политику и экономика не детерминируют развитие культуры. Своеобразие культуры теснее связано с национальным менталитетом и со смысловыми системами эпохи. «Эпоха Гете» – «золотой век» немецкой литературы и философии – есть результат взаимодействия национальной культурной традиции и новых европейских просветительских тенденций.

Развитие культуры Германии трудно понять без влияния на нее Реформации, которая разделила страну по принципу вероисповедания, привела к реформе католической церкви, к созданию новой церковной организации, основанной на лютеранских доктринах. Отсутствие религиозного единства практически всегда чревато затяжными конфликтами. Между католиками и протестантами вспыхнула казавшаяся нескончаемой опустошительная Тридцатилетняя война 1618-1648 годов. Вестфальский мир закрепил еще на двести лет религиозное противостояние более трехсот светских и духовных княжеств. Возникшее стремление к единой христианской церкви породило так называемую «моральную религию», что в содержательном плане означало переход от внешней обрядности к внутренней вере. Возникло множество сект, проповедующих внутреннюю религиозность, что в целом сказалось на религиозно-нравственной окраске немецких просветительских идей. Благодаря поиску религиозно-философского синтеза Германия избежала радикальной дехристианизации, характерной для Франции. Немецкое Просвещение укрепило веру в Бога и в бессмертие души. Идеям французских материалистов Германия противопоставила богословские трактаты Моисея Мендельсона. Для немецких просветителей – Николаи, Канта, Землера, Лессинга, Лафатера, Гамана, Якоби – характерна религиозная деятельность и религиозные споры. Так, Лессинг соотнес взросление отдельного индивидуума с религиозным взрослением человечества. В работе «Воспитание человеческого рода» (1780) Лессинг указывает, что Ветхий Завет – это «букварь для детей». Религией юношества выступает Новый Завет, для

периода зрелости он ожидал появления «Нового Вечного Евангелия», благодаря которому произойдет мистическое преобразование всего мира. На основании идеи Лессинга Гете построит процесс воспитания в Педагогической Провинции в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера». В целом можно утверждать, что христианская религия понимается немецкими просветителями собственно как «просвещение», в отличие от предписаний иудаизма. Философия позднего Просвещения в Германии имела, несомненно, религиозный характер. Это обстоятельство способствовало синкретизму, эклектичности, синтетическому характеру духовной мысли немецкого Просвещения. Подтверждение сказанному мы обнаруживаем в подходах к философии и религии у Гете.

В статье «Анализ и синтез» (1829) Гете связывает специфику любой исторической эпохи с преобладанием в ней либо «анализа», либо «синтеза». Для науки XVII века, по его мнению, основополагающим был «анализ». Это было время атомистики, определившей не только физико-теоретическую картину мира, но и французскую классическую трагедию, теорию естественного права, а также политику и идеологию. В научных подходах И. Ньютона и К. Линнея преобладающим был «анализ».

Согласно теории Ньютона, свет является смесью цветовых корпускул дифференцирующихся при прохождении через призму, а белый цвет создается сложением различных цветов. Несомненно, что оптика Ньютона – это оптика механического мира. Напротив, Гете увидел в оптике закономерности органического мира. Опираясь на герметическую и мистическую традиции, Гете пришел к выводу, что белый цвет – это «проявленный» свет, первичный, неразложимый феномен, который является свойством «живого» глаза. Если Ньютон исходил из независимости внешнего мира, то Гете рассматривал внешний и внутренний мир в единстве, исследовал «синтез» внутреннего и внешнего света. Согласно Гете, если мы «разложим цвет на число колебаний, он исчезнет». Можно утратить природу как условие существования человечества на земле, если ее разложить на части.

Синтетический подход к свету явился основанием «учения о цвете». Опираясь на него, Гете сде-

лал ряд открытий, в частности первым заметил фосфоресценцию болонского шпата, исследовал явление поляризации света, а также придумал приборы для его наблюдения. Только когда в XX веке был разработан и нашел своих adeптов принцип дополнительности, «учение о цвете» Гете и оптика Ньютона стали рассматриваться как дополняющие друг друга. Вернер Гейзенберг высказал мысль, что, возможно, эти учения «имеют дело с двумя совершенно различными сторонами действительности». «Развитие физики, – считает Гейзенберг, – убеждает нас в том, что борьба Гете против физической теории цвета должна быть в настоящее время продолжена на более широком фронте» [1].

Аналогичная ситуация возникла и в биологии. В статье «Автор сообщает историю своих ботанических занятий» (1817-1831) Гете сравнивает эпоху Линнея и свое время. Он отмечает, что картина Линнея механистична и подобна мозаике, в которой «один приготовленный камешек всаживают рядом с другим, чтобы, в конце концов, из тысячи отдельных кусочков создать видимость картины; и потому такое требование было мне до некоторой степени противно» [2]. Свое чувство Гете разъяснял таким образом, что Линней пытался насильно разьединить то, что согласно внутренней устремленности Гете должно было оказаться соединенным. Поиски закономерностей «соединения» отдельных частей в целое приводят Гете к «органике», учению о происхождении и строении «живых» организмов. Посредством такого подхода Гете добился впечатляющих результатов, а именно открыл межчелюстную кость у человека, создал позвоночную теорию черепа, основал новую науку и дал ей название – морфология животных. Гете-ученый разработал модель мира, в котором действовал принцип синтетического «единства в многообразии», лежащий в основе природы. В неразрывном единстве с естественнонаучным подходом находятся религиозно-философско-эстетические взгляды Гете-поэта.

Основные герметические штудии Гете выпадают на время его постельного режима (декабрь 1768 – март 1769). В автобиографии он описывает, как в течение полугода штудировал мистико-алхимическую теорию. В это же время произошла его встреча с Гердером. Встреча подтолкнула Гете к выработке религиозно-философского кредо, которое изложено в «Поэзии и правде». Согласно Гете, «все, что существует, с необходимостью соотносится с сущностью Бога, ибо Бог – это единственно сущее и охватывает все». Созерцая природу, мы познаем Бога. От имени юноши он пишет в «Поэзии и правде»: «Я тщился вообразить себе Божество, извечно само себя воспроизводящее, но так

как воспроизведение немисливо без многообразия, то это божество неизменно должно было предстать перед собой как нечто второе, нам ведомое под именем Сына Божия. Отныне они оба были призваны. Продолжая акт воспроизведения, предстать перед собою уже в качестве третьего, столь же неизменного, живого и вечного, каким является целое». На этом круг божества замкнулся» [3].

Дальнейшее воспроизведение приводит триединое божество к тому, что Элохим – библейское имя Бога – создает Люцифера, который сотворен божьей волей, но ею же и ограничен; возникает внутренне противоречивое создание. Если триединое божество влечет к восхождению по высотам духовности, то Люцифера влечет к материи, т. е. «концентрации, или сплочению». Поскольку концентрация материального начала есть в своей сущности зло, то Люцифер становится источником зла в мире, уничтожая сам себя. Увидев падение Люцифера и его неспособность вступить в вечность, Элохим создает человека, который оказывается в положении Люцифера – он одновременно и безуловен, и ограничен. Человек раздираем противоречиями, он совершает зло и одновременно устремляет свой взор к Божественному, к духовному началу. Люцифер превращается в символ материального начала мира и становится необходимой составной частью человека как сотворенного существа.

Мрачные предчувствия Гете в отношении людей усиливаются, когда он приходит к выводу, что впереди век машины. «Это будет век способных, легко ориентирующихся в практических вопросах людей, которые, обладая большей предприимчивостью, чем другие, ощущают свое превосходство над толпой, хотя сами и не одарены высокими талантами». Но может быть и еще хуже: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество больше не будет радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения» (1825). Таков прогноз для людей христианского мира.

В годы сочинения «Западно-восточного дивана» Гете заинтересовал ислам. В апреле 1827 года Эккерман записывает мысль Гете: «Очень интересно, с каких наставлений магометане начинают воспитание детей. Первооснова религии, которую внушают молодому поколению, – это вера в то, что ничего не может встретиться человеку на жизненном пути, что не было бы предназначено ему всеведущим божеством; тем самым молодежь на всю жизнь вооружена, успокоена и ничего больше не ищет». Гете интересуется философская подготовка мусульман. Он продолжает: «Обучение философии магометане начинают со следующего положения:

не может быть высказано ничего, о чем нельзя было бы сказать прямо противоположного. Они упражняют ум своих юношей, ставя перед ними задачу: для любой тезы отыскать антитезу и устно ее обосновать, что должно служить наилучшим упражнением в гибкости мысли и речи.

Но поскольку каждое положение опровергается противоположным, возникает сомнение, и оно то и есть единственно правильное из тез. Но сомнение непрочно, оно подвигает наш ум на более глубокие исследования, на проверку, проверка же, если она произведена добросовестно, создает уверенность, которая является последней целью и дарует человеку полное спокойствие.

Как видите, это учение закончено в себе, и мы со своими системами не смогли его превзойти, да его и вообще-то превзойти невозможно». Поясним сказанное. Христианская церковь, претендующая на роль регулятора повседневной жизни людей, большое значение придает принципу святости как основополагающему принципу. Согласно учению христианства, единственная в мире святость – Бог Дух Святой – одна из ипостасей Троицы.

В исламе нет Троицы, нет и ипостасей Троицы. Зачем эти ипостаси, вопрошает Коран, если Аллах в своем дающем прибежище Единстве и согласуемой с разумом Единственности одновременно и Владыка рода человеческого, чему в христианстве соответствует Бог-Отец, и Царь, которым христианская церковь называет Иисуса, и Бог Дух Святой. Мусульманин не разрывает душу между ипостасями, единство его души в единстве мира. Ислам призывает ум и сердце к познанию природы и к убежденности в абсолютной логичности установлений Бога. Такая онтология соответствует детскому восприятию мира как единого и неразрывного с человеком, и к такому же миропониманию приходит умудренный опытом муж. Разум, сердце и природа находятся в единстве, и это дает мусульманину умиротворение. В таком случае святость онтологична и не зависит от человека. Ислам не дает возможности быть тщеславным и считать суть мира субъективной.

В истории философии к пониманию, что бытие едино, приходит Парменид, продолжая линию натурфилософов на поиски архэ. Архэ не есть сущее, чувственно данное явление, а как руководящий во всем принцип есть мысль. Для греческих мыслителей все, что существует упорядоченно, родилось естественно, долго вызревало, выдержало проверку временем.

Противоположным будет понимание, что в мире существует хаос и дело человека упорядочить хаос, вещи, весь мир переделать по-своему. Другими словами, к порядку мир может прийти лишь через пре-

образующую деятельность человека. Возникает вопрос, что в таком случае рассматривать в качестве святого, если все нужно переделать по-своему?

Еще раз обозначим противоположность позиций. Парменид утверждает, что человек есть мера всех вещей. Смысл мира задан, и человек извлекает смыслы, или, по выражению нашего современника В.В. Налимова, «творчески распаковывает континуум смыслов».

Библейское учение о Боге поддерживает взгляд, что источником культурных смыслов является человек. В книге Бытия повествуется, что после сотворения человека Ягве решает, что «нехорошо быть человеку одному». Тогда Ягве создал «из земли всех животных полевых и всех птиц небесных», привел все сотворенные Им создания к человеку, «чтобы видеть, как назовет их». Человек дал им всем имена. Тем самым человеку отводится решающая роль в создании мира. Мир не был «настоящим» миром, пока все его компоненты не были «названы». Для древних евреев дать имя означало придать называемому зачение и смысл. Человек приходит в неупорядоченный, бесформенный мир и наделяет его смыслом. Значения вещей определяются тем, что они включены в жизнь человека. Значения обусловлены той ролью, которую они играют в намерениях и планах человека. Присвоение имени есть акт утверждения власти и господства. В заключение процесса называния Бог приказывает человеку: «Владычествуй над рыбами морскими, над птицами небесными...». Таким образом, в мире без человека нет смысла, и человек не только раскрывает смысл, но сам его порождает.

Разве у Платона вечные идеи могут быть созданием человека? Решая проблему «именования» вещей, Платон определенно утверждает, что «имена» предшествуют человеку.

Стало общим местом, что христианство имеет источниками своего возникновения иудейскую религию, римское право и древнегреческую философию. Неявно предполагалось, что именно греческая метафизика есть онтология христианства и христианской цивилизации. На то, что это не так, в XX веке указал М. Хайдеггер и попытался вновь промыслить соотношение бытия и времени. Как видно из вышеизложенного, еще великий Гете ясно представлял себе обозначенную проблематику, а тем самым родство ислама с учением Парменида и греческой метафизикой. Гете понял, что онтологически ислам обоснован глубже, чем христианство. То, что великий олимпиец остался верен грекам, не вызывает сомнений, но как ответить на вопрос, какой веры придерживался Гете? Остался ли он после своих прозрений христианином? Вновь обратимся к Эккерману, чьи разговоры с Гете при-

несли ему славу. Эккерман записал: «Противники часто обвиняли Гете в отсутствии веры. Но он только их веры не имел, слишком она была мелка для него. Если бы он открыл им свою, они были бы поражены, однако уразуметь ее все равно бы не сумели». Мы считаем, что делать вывод законченный и окончательный, что Гете был мусульманином, довольно рано. Однако к такому выводу пришел после изучения в Веймаре письменного наследия Гете шейх Абдулкадыр аль-Мурабит в 1995 году, и на него пошли многочисленные ссылки. То, что Гете переосмыслил христианство, не вызывает сомнений, но вряд ли возможно любого философа, исходящего из онтологии Парменида, зачислять в мусульманство. Есть еще вариант философской веры, которая может совпадать в подходе к решению глубинных онтологических вопросов с выбором религий, поскольку речь идет об основаниях человеческого духа. В своем миропонимании Гете исходил из сознающего себя самого человеческого бытия. Исследуя ислам, он понял, что идея Парменида жива и что эта идея должна быть проведена и в естествознании и в философии.

Развертывание христианской идеи в социальной жизни пугало Гете, он предвидел трагедии более мрачные, чем выразил Шекспир. А можно ли христианскую идею применить к естествознанию? Приведем размышление Гете об ограниченности онтологии христианства. После беседы с Гете 28 февраля 1831 года Эккерман записал: «Христос исповедовал единого Бога и наделил его всеми свойствами, которые в самом себе воспринимал как свойства совершенные. Этот Бог был сущностью его прекрасной души, был благостен и любвеобилен, добрые люди могли доверчиво ему предаться, восприняв саму идею такого Бога как сладостную связь с небом.

Но так как великое существо, которое мы имеем Богом, проявляет себя не только в людях, но также в многообразной могучей природе и в грандиозных мировых событиях, то, разумеется, представление о нем, основанное на человеческих свойствах, – представление недостаточное, и вдумчивый человек немедленно натолкнется на провалы и противоречия, которые повергнут его в сомнения, более того – в отчаяние, если он не на столько мал, чтобы успокоить себя надуманными увертками, или не на столько велик, чтобы подняться до более высоких воззрений».

Не меньше, чем «религиозность Гете», тема «философия Гете» требует предварительных оговорок. Если И. Кант и Г. Гегель – соотечественники и современники Гете – философы по определению, то у Гете иное видение мира, другая парадигма. Само философствование как некоторую готовую

методологию познания Гете ставит под вопрос. Отличие своего мышления от современного ему философского мышления он выразил в следующих заявлениях: «Для философии в собственном смысле слова у меня не было органа», и еще: «Собственно говоря, я не нуждаюсь ни в какой философии», и даже так: «Она подчас вредила мне, мешая мне двигаться по присущему мне от природы пути».

Известно, что философа нельзя воспринимать буквально, а потому возможно иное толкование этих слов, учитывая, что себя Гете относил к людям, более всего в жизни остерегающимся пустых слов.

Философское мышление предполагает обобщение и дискурс. Мышление Гете, «человека глаз», не нуждается в генерализации конкретно-зримого и в подчинении образа правилам дискурса. Такова художественная философия в отличие от логико-математической философии. То, что художественная философия имеет право на существование, признал Фихте в письме к Гете: «К Вам по праву обращается философия. Ваши чувства – пробный камень ее». Со своей стороны, Гете в «Фаусте» художественно воплотил идею Фихте о внутренней противоречивости субъекта деятельности. Противоречивость деятельности выступает источником непрерывного воспроизводства деятельности. Удовлетворение противоречия с необходимостью привело бы к смерти деятельности. Деятельность существует, пока существует несоответствие между замыслом и реализацией. Смерть – это удовлетворенность.

Когда воскликну я: «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!»
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля, разверзись подо мной!

В XX веке М. Хайдеггер учил мыслить так, как если бы философской традиции не существовало. Такой подход казался необычным и даже экстравагантным. Но такой подход можно рассматривать как попытку понять и реализовать замысел Гете. К.А. Свасьян отмечает, что «особенность, если не сказать диковинность мысли Гете в том, что он в пору наивысшей зрелости ощутимого конца философии философствует так, как если бы она и вовсе не начиналась».

С доприкативностью познания новейшую философию заставила считаться феноменология Гуссерля. Но уже Гете не устраивали дискурсивно измышленные предпосылки мышления философов, которые не позволяли мыслить явление в целом, разъединяли познаваемое и познающего, субъект и объект. «Люди так задавлены бесконечными условиями явлений, – отмечал Гете, – что не в состоянии воспринимать единое первичное условие».

В самом деле, как только мы дистанцируем от себя предмет, происходит редукция, и мы не видим вещи, а только смотрим на нее. Видеть вещь означает видеть ее единство с нами. Вместе с тем это означает и видение вещи такой, какая она есть сама по себе. Такой подход кажется парадоксальным. Однако Гете настаивает и требует: «Видеть вещи, как они есть».

Разве современные Гете «философы по определению» развивали другой подход? И. Кант как раз и требует противоположного, и подменяет вещь словом, знаком, и только затем производит анализ. В то время как, согласно Гете, «назад к вещам» означает «не ставить знак на место вещи, всегда иметь сущность живой перед собой и не убивать ее словом». В таком случае в разговоре с профессиональными философами Гете будет вести себя как зрячий со слепыми, поскольку философы будут иметь дело со словами, а Гете со своими созерцаниями предметов. Так в разговоре с Шиллером, который был философски образованным поэтом, Гете замечает, что он «имеет идеи, сам того не зная, и даже видит их глазами». Можно ли адекватно рассказать слепому о реке, розе, закате и других природных явлениях? В самом деле, для поэта, который видит практически и наглядно, весьма трудно объяснить незрячему видимое глазами с помощью слов. И. Кант находит выход в синтезе понятий. Гете формулирует проблему следующим образом: «Все попытки решить проблему природы являются по существу лишь конфликтами мыслительной способности с созерцанием».

Если И. Кант со страхом обнаруживает, что «понятия без созерцания пусты», то Гете полон оптимизма: «Мое мышление не отделяется от предметов, элементы созерцания входят в него и внутренним образом проникаются им, так что само мое созерцание является мышлением, а мышление созерцанием». Таким образом, Гете выигрывает спор у профессионального философа, ибо обнаруживает решение проблемы, а Кант не видит решения. Сарказмом звучат слова Гете, записанные Эккерманом 11 апреля 1827 года: «Кант меня не замечал». Кант сделал философские обобщения из достижений естествознания, а Гете был не только естествоиспытателем, но и поэтом. А в великие эпохи неразрывное целое единого духовного мира составляют философия и поэзия. Гете отличался неприятием гносеологии Канта и послекантовской философии. «Этот Гете, – пишет о нем Шопенгауэр, – был до такой степени реалистом, что прямо

не способен был понять, что объекты как таковые существуют лишь постольку, поскольку они представляются познающим субъектом. «Что! – сказал он мне раз, взглянув на меня своими глазами Юпитера, – свет существует, по-вашему, лишь поскольку вы видите его? Нет! Вас бы не было, если бы свет вас не видел».

Подход Гете обеспечивал выход на реальность, которая выводилась не из понятий опыта, а из опытного делания. Если же реальность подменить теорией как мыслимостью созерцающего мышления, то, согласно Гете, такая теория будет негативна, поскольку будет представлять собой результат «чрезмерной поспешности нетерпеливого рассудка, который охотно хотел бы избавиться от явлений и поэтому подсовывает на их место образы, понятия, часто даже одни слова».

Настоящая теория снимает противоположность объекта и субъекта, не противоречит вещам, не подменяет собой вещи, а лишь осознает себя «сущностью» вещей. «Самое высокое было бы понять, что все фактическое есть уже теория: синева неба раскрывает нам основной закон хроматики. Не нужно только ничего искать за феноменами. Они сами составляют учение». Когда теория рассматривает себя как сущность, она ставит себя между природой и познающим субъектом, а не вытесняет собой природу. Гете выступает против попыток ученых «стать на место природы», поскольку в таком случае наука таких ученых становится непонятной и бесполезной. Гете и против замены «законами» понятия реальности. Превращение субъективных форм мысли в объективные мировые законы – это дело философа Гегеля. Самое трудное для философа типа Гегеля – вернуться к действительности, не потерять действительность в своих размышлениях. Для Гете нет такой проблемы, поскольку он никогда и не покидал своей действительности.

Таким образом, Гете велик не только в естествознании и в поэзии, им выработана новая смысловая реальность, которая обеспечивает до сих пор толчками роста как религию, так и философию, поскольку исходит из сознающего себя самого человеческого бытия. А потому следует согласиться с К. Ясперсом, что Гете – наше будущее. Избегая трагического, Гете достигает всечеловечности. Гуманизм Гете способен преобразовать и возродить трагически-болезненное состояние умов и душ, а тем дать шанс человечеству в XXI веке. Таковы возможности смысловой реальности, развернутой перед нами Иоганном Вольфгангом Гете.

Список использованной литературы:

1. Гейзенберг В. Учение Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Философские вопросы атомной физики. М., 1953. С. 65.
2. Гете И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 72.
3. Гете И.В. Собр. соч. в 10 тт. М., 1976. Т. 3. С. 296-297.